

Евразийская повестка сотрудничества

Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток¹

Т.В. Бордачев, А.С. Пятачкова

Бордачев Тимофей Вячеславович – к.полит.н., директор Международного научно-образовательного Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: tbordachev@hse.ru

Пятачкова Анастасия Сергеевна – мл.науч.сотр. Международного научно-образовательного Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: apyatachkova@hse.ru

Последние два-три года стали временем небывалого по масштабам всплеска интереса к евразийской тематике. Российская инициатива создания Большой Евразии, которая видится как основная концептуальная рамка для продвижения различных проектов сотрудничества в регионе, часто критикуется за отсутствие конкретного наполнения по ее реализации. Учитывая растущее число региональных инициатив, в том числе со стороны Китая и Индии, России необходимо не только сформулировать привлекательную идею, но и показать ее востребованность и эффективность.

Концепция Большой Евразии, несмотря на отсутствие для ее реализации объективных исторически сложившихся условий, может стать рациональным практическим воплощением широкого спектра приоритетов развития и обеспечения безопасности для широкой группы стран региона. Проблема исследования заключается в отсутствии объективных исторических предпосылок создания Большой Евразии при наличии широкого спектра субъективных причин.

В начале статьи анализируются предпосылки возникновения Большой Евразии, а также различные способы восприятия и политической интерпретации евразийского пространства. В силу исторических причин проекты по консолидации Евразии в основном оставались на бумаге, однако текущие региональные и глобальные тренды создают подходящие условия для их воплощения на практике.

В исследовании проводится анализ содержательного наполнения евразийской интеграции и возможных форматов сотрудничества. Особый акцент сделан на вопросах безопасности, экономическом взаимодействии, а также развитии институтов на евразийском пространстве. Подчеркивается необходимость реформы ОБСЕ с целью приближения ее деятельности к текущим геополитическим условиям. Также рассматриваются перспективы развития ШОС и ее роль в Большой Евразии.

Отдельное внимание уделяется отношениям с потенциальными участниками Большой Евразии (включая европейские страны) и внерегиональными акторами, а также использованию опыта европейской интеграции для развития евразийского пространства. Подчеркивается необходимость большего внимания

¹ Статья поступила в редакцию в апреле 2018 г.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

к вопросу государственного суверенитета при взаимодействии в рамках ЕАЭС (по аналогии с европейским опытом представителей и экспертных групп), а также укрепления институционального потенциала ЕАЭС.

Ключевые слова: Большая Евразия; поворот на Восток; ЕАЭС; европейская интеграция; международное сообщество; внешняя политика РФ; ШОС; ОБСЕ; российско-китайские отношения

Для цитирования: Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. (2018) Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 33–51 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02.

Введение

Поворот России на Восток, задуманный во второй половине 2000-х годов в ответ на подъем Азии, помимо стратегических внешнеполитических выгод дает возможность «превратить Зауралье, Дальний Восток из преимущественно имперского бремени – или тыла в противостоянии с Западом, иногда фронта в соперничестве с Японией или Китаем – в потенциальную территорию развития для всей страны» [Караганов, 2017]. Он получил дополнительный импульс из-за конфликта с Западом и удачно совпал по времени с новыми геоэкономическими инициативами Китая [Lukin, 2016], предложившего в 2013 г. масштабный план сотрудничества под флагом возрождения Великого шелкового пути. Идея соединить Европу и Азию сухопутными маршрутами, используя историческую коннотацию с Шелковым путем [Wu, 2013], придает инициативе КНР особое звучание, позиционируя Китай как проактивного игрока, инициативы которого направлены на позитивные изменения в регионе, а также указывает на его стремление соединить участие в инициативе с приоритетами национального развития.

Китайская инициатива, объединяющая Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) и Морской Шелковый путь XXI в., практическое наполнение которой с 2013 г. остается предметом широких дискуссий не только внутри КНР, но и за ее пределами, постепенно стала приобретать более четкие очертания. Под проект подвдидлась институциональная база: в декабре 2014 г. был запущен Фонд Шелкового пути (объемом 40 млрд долл. США), в декабре 2015 г. – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с капиталом 100 млрд долл. США. В мае 2017 г. состоялся первый форум «Один пояс, один путь», который посетили главы 29 государств из Азии, Европы, Латинской Америки (всего было представлено около 100 стран) [Иносми, 2017]. Ожидается, что данное мероприятие будет проходить на ежегодной основе. В этом смысле позитивное восприятие данной инициативы Большой Евразии в Китае [Zhao, 2017; Li, 2017] облегчает дальнейшую совместную работу в регионе.

В данный момент российский поворот на Восток получает свое развитие в рамках евразийского направления внешней политики страны. Евразийская тема присутствует на всех международных форумах и является обязательной частью публичных выступлений. Примечательно, что растущий интерес к данной теме можно наблюдать не только у российских авторов (в частности, на примере размышлений Б. Макаеша о возможности формирования евразийского суперконтинента [Maçães, 2018]).

В политическом отношении эволюция евразийской концепции, для России в первую очередь, прошла путь от скромной идеи сопряжения Евразийского экономического

союза и Экономического пояса Шелкового пути (2015) до намного более масштабной стратегии Большого евразийского партнерства (БЕП) [President of Russia, 2015]. Другие страны региона, включая и родину современного евразийства – Казахстан, пытаются выделять именно прагматические аспекты регионального сотрудничества.

При этом в словосочетании «поворот России на Восток» ключевым является слово «Россия» [Бордачев, 2017в]. Рост внимания России к восточному направлению ее внешней политики – это логичное следствие смещения баланса сил в АТР, увеличения его экономического и политического значения в мировом масштабе.

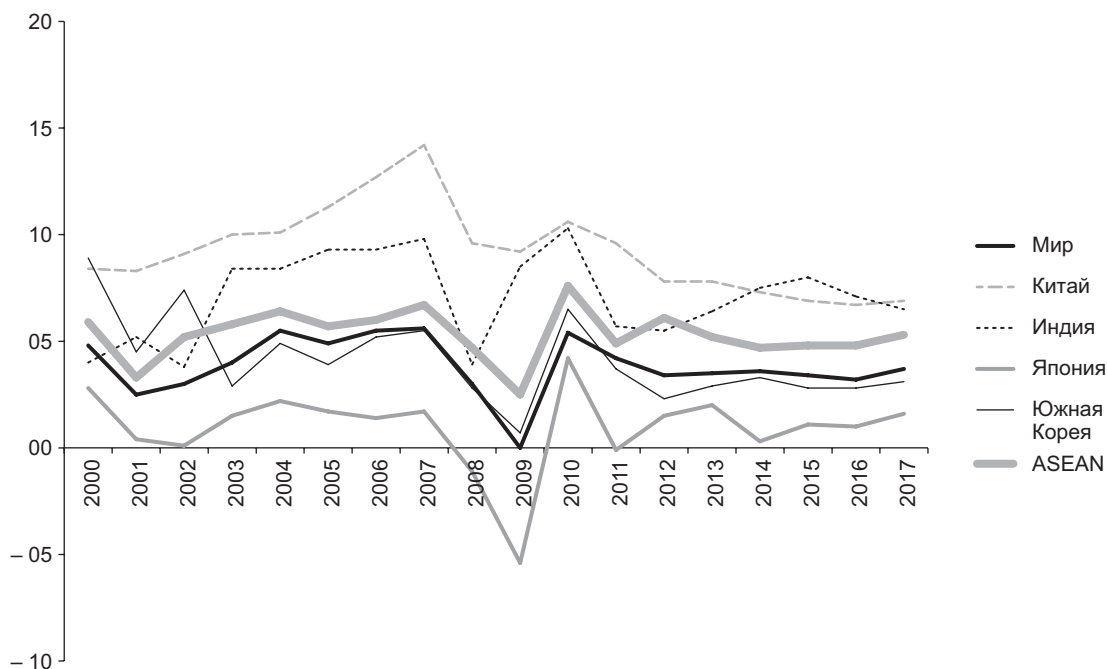

Рис. 1. Темпы роста ВВП в ключевых странах АТР (по сравнению с мировыми)

Источник: [Euromonitor International].

Россия уже начала использовать преимущества подъема Азии для выравнивания дисбаланса в пользу долгое время преваляровавшего западного вектора внешней политики. Так, А.С. Галушка отметил, что 26% всех пришедших в Россию в 2017 г. иностранных инвестиций были направлены на Дальний Восток: «Дальний Восток в целом показал рост инвестиций более чем на 17% по итогам 2017 г., что составило 117,1%, когда в среднем по России этот показатель составил 104,4%. На Дальнем Востоке – лучший показатель в стране. При этом из 17% роста более половины составили инвестиции резидентов территорий опережающего развития и свободного порта, в том числе и иностранные» [Минвостокразвития, 2018].

Все больше внимания уделяется выстраиванию конструктивных отношений с партнерами в Евразии. ЕАЭС – важнейшая часть евразийской стратегии России. Недавно ЕЭК разработала систему индикаторов, показывающую уровень интеграции и позволяющую учитывать также показатели ЦУР ООН. Согласно исследованиям, уровень интеграции в ЕАЭС уступает только ЕС, опережая, в частности, МЕРКОСУР и АСЕАН, история которых насчитывает более 30 и 50 лет соответственно. При этом

ЕАЭС не замыкается сам на себе: напротив, он стремится выстроить взаимодействие с иностранными государствами (среди потенциальных партнеров называются Сингапур, Иран, Индия, Республика Корея, Египет, Израиль, Сербия и др.) [ЕЭК, 2018].

В этом смысле опыт заключения ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом отражает стремление России диверсифицировать сотрудничество с азиатскими партнерами. Несмотря на имеющиеся недостатки, можно отметить положительную динамику торговли: товарооборот между странами ЕАЭС и Вьетнамом с момента вступления в силу соглашения — с октября 2016 по июнь 2017 г. — вырос на 11,8 % по отношению к аналогичному периоду 2015–2016 гг. [Тынникова, 2017]. В соответствии с соглашением, государства обязуются снизить таможенные пошлины на 88% товаров, 59% из них были сокращены сразу [ТАСС, 2015], остальные — через 5–10 лет.

Несмотря на определенные успехи, поворот России на Восток в международном сообществе до сих пор воспринимается неоднозначно. В частности, Й. Шпангер отмечает, что «с опозданием на три года Москва последовала примеру Вашингтона и теперь “рулит” в сторону Азии, а по сути — в сторону Китая» [Шпангер, 2016]. Китай же в это время поворачивается на Запад [Шпангер, 2016] (или, как отмечал Д. Шамбо, выходит на глобальный уровень [Shambaugh, 2013]). Российская инициатива создания Большой Евразии, которая видится как основная концептуальная рамка для продвижения различных проектов сотрудничества в регионе, часто критикуется за отсутствие конкретного содержания или «дорожной карты» по ее реализации: «Спустя почти два года после первых сообщений о ней в публичном пространстве так и не появилось программного документа или публичного выступления на сколь-либо высоком уровне, где описывались бы конкретное наполнение или хотя бы четкий формат этой новой большой идеи» [Цветов, 2017].

Таким образом, концепция Большой Евразии, несмотря на отсутствие для ее реализации объективных исторически сложившихся условий, может стать рациональным практическим воплощением широкого спектра приоритетов развития и обеспечения безопасности для широкой группы стран региона. Проблема исследования заключается в отсутствии объективных исторических предпосылок создания Большой Евразии при наличии широкого спектра субъективных причин.

Гипотеза исследования заключается в том, что концепция Большой Евразии может рассматриваться в качестве консолидирующей формы новой глобальной стратегии России, на основании которой определяются важнейшие внешнеполитические приоритеты.

В связи с этим в данной статье представляется необходимым провести комплексный анализ инициативы создания Большой Евразии, а также возможных форматов работы для ее дальнейшего развития (в том числе с учетом анализа опыта ЕС в качестве кейс-стади).

Предпосылки формирования Большой Евразии и особенности восприятия евразийского пространства

В условиях кризиса западной модели мира ряд незападных центров силы предлагает свое видение регионального и международного порядка. Китайская инициатива «Пояса и пути» ценна не только возможностью реализации конкретных проектов, но и концептуальным оформлением (историческая связка и единая рамка для реализации региональных инициатив). Индия, в свою очередь, стала активно продвигать концепцию развития Индо-Тихоокеанского региона [Куо, 2018]. В качестве политических ре-

гиональных инициатив также анализируются ЕАЭС, Генеральная программа взаимодействия и обмена АСЕАН, «Степной путь» Монголии, «Светлый путь» Казахстана, «Центральный коридор» Турции, «Янтарный путь» Польши, Northern Powerhouse Великобритании и др. [Лексютина, 2017].

Столь большое разнообразие программ регионального развития, с одной стороны, восполняет пробел в мировом вакууме идей в условиях кризиса западной модели развития. Вместе с тем этот процесс обостряет конкуренцию между различными региональными акторами и актуализирует вопрос о будущей модели мира, форматах взаимодействия и сосуществовании различных подходов к поддержанию международной стабильности. Развитие идеи Большой Евразии тесно связано с описанными процессами.

Российская политическая экзальтация вокруг евразийской тематики естественна и объяснима. Она рассматривается многими как проявление попытки вырваться из исторически сложившейся обреченности бесконечного выбора между Европой и «не Европой», соответственно, идея Большой Евразии воспринимается как своеобразная реинкарнация Большой Европы [Лузянин, Чжао, 2017, с. 61–63]. Выбор выглядит особенно трагичным ввиду очевидной невозможности сделать Россию частью Европы. Однако политические события последних лет позволяют надеяться, что эти метания закончились в пользу видения себя как самостоятельного центра развития, а не периферии Европы или Азии. Сейчас нужно погрузить эту нарождающуюся новую российскую самоидентификацию в коллективные институты регионального сотрудничества и растворить российский национальный интерес в интересах Евразии как макрорегиона.

Однако существует ряд важнейших факторов региональной жизни и крупных политических проблем, которые заставляют взглянуть на потенциал воплощения евразийских идей на практике более сдержанно. В первую очередь необходимо устранить ментальные стены, препятствующие сближению евразийских народов на прагматической основе [Kuznetsova, 2017]. Яркие интеллектуалы на протяжении последних двух столетий предлагали строить общую Евразию, отталкиваясь от ценностного единства внутри либо объективного противопоставления другим макрорегионам вовне [Entin, Entina, 2016]. Однако пока эти замечательные идеи не востребованы на практике.

Кроме того, государства Евразии (и Россия здесь не исключение) остаются крайне восприимчивы к нарративам, привносимым извне [Starr, 2014, p. 191–199]. Часто, кстати, исходя из достаточно прагматичных соображений и в поисках национального блага. Но забывая при этом, что в силу объективных законов международной политики для любого внерегионального игрока судьба удаленных народов – это только способ достижения собственных национальных интересов. Поэтому евразийский нарратив сейчас является, пожалуй, одной из наиболее «замусоренных» из привнесенных извне идей и геополитических построений.

Великий евразийский континент всегда оставался понятием, скорее, метафизическим, чем политическим или экономическим. Размытости физических границ исторически сопутствовала размытость границ концептуальных – невозможность определить Евразию как единицу на политической ментальной карте. Это важнейшая составляющая «евразийского проклятия» – неспособность региона осмыслить себя в категориях общих ценностей, сотрудничества, общего блага и – в результате – идентифицировать себя как целостный элемент мирового устройства.

Вызовы Большой Евразии

Исторически все евразийские государства (и Россия здесь — совсем не исключение) относились к своей «большой родине» скорее инструментально, использовали Евразию как пространство для стратегического маневра и решения своих узких внешнеполитических задач. Но никогда не могли стать выше своих национальных интересов. Как это смогли сделать, например, европейцы, построившие во второй половине XX в. на руинах старого порядка новую Европу. Европу, которая основана, во-первых, на сотрудничестве во имя общего блага и, во-вторых, на четком противопоставлении другим регионам и цивилизациям [Nix, 2007, p. 574].

Будучи родиной многих народов, Евразия никогда не была для них домом. Возникшие на евразийских просторах нации в большинстве случаев покидали их. Наиболее могущественные державы Евразии — Россия и Китай — всегда видели себя частью других — европейской и азиатской — цивилизаций и, конечно, империями в себе, не нуждающимися в дополнительной (кроме своей национальной) идентификации [Zhang, 2013]. Средние и малые народы Евразии не имеют ресурсов для того, чтобы заниматься развитием своего пространства обитания без опоры на внешних игроков. В результате Евразия всегда была лишь абстрактной идеей, мечтой, но никогда не могла стать субъектом геополитики.

Решить эту проблему можно и необходимо именно сейчас, когда процесс относительной фрагментации глобального пространства на регионы и макрорегионы набирает обороты и при определенных условиях видится как единственное спасение для глобализации и открытости. Наша цель сейчас — осмыслить Евразию в категориях рационального сотрудничества, нацеленного на извлечение выгод и решение национальных задач развития каждого из населяющих ее народов.

На практике это достаточно сложная задача. Важнейшие тенденции современного развития указывают на то, что государства все менее готовы учитывать категории сотрудничества при решении своих национальных задач внутри и вовне. Как отмечал Г. Дизен, «экономический национализм становится стратегией развития поднимающихся государств, позволяя им изменить неблагоприятную асимметрию взаимозависимости в свою пользу» [Diesen, 2017]. Набирает силу национальный эгоизм, подогреваемый психозом средств массовой информации и особенно социальных медиа. Политики становятся все более зависимы от общественного мнения и, соответственно, все меньше ориентируются на общее благо и все чаще ищут решений с односторонней выгодой [Tomz, Weeks, Yarhi-Milo, 2017].

В середине лета 2017 г. несколько военных кораблей Китая впервые зашли в акваторию Балтийского моря для совместных с российским флотом учений [Григорьев, 2017]. Большинство наблюдателей, в первую очередь на Западе, истолковали и то, и другое событие как простую демонстрацию Москвой и Пекином поддержки друг друга на наиболее конфликтных направлениях [Higgins, 2017]. Дипломатические мероприятия, не имеющие серьезного значения в системном отношении, стали яркой иллюстрацией того, что в современном мире проблемы безопасности уже не имеет смысла обсуждать только на местном или же сразу глобальном уровне [Savic, 2016].

Конфликт между Россией и Западом напрямую затрагивает интересы Китая или любой другой крупной державы Евразии в незначительной степени. Однако в более широком смысле и долгосрочной перспективе — крайне серьезно, поскольку влияет на потенциал реализации важнейших китайских инициатив, участие в которых как России, так и стран Запада одновременно является необходимым. Так, например,

отдельные представители стран Восточной Европы настаивают на развитии коридоров в обход России — через Казахстан, Каспийское и Черное моря, хотя экономически такие проекты бессмысленны [Платонова, 2015].

Между тем только с 2014 по 2016 г. объем торговли Китая со странами «вдоль пути» превысил 3 трлн долл. США, инвестиции КНР превысили 50 млрд долл. США. На открытии форума ОПОП сообщили об увеличении финансирования: Китай объявил о том, что дополнительно направит в Фонд Шелкового пути еще 14,5 млрд долл. Китайские предприятия создали 180 тыс. рабочих мест более чем в 20 странах, построили в них 56 зон экономического сотрудничества [Иносми, 2017]. По мере развития инициативы она становится все более заметной на геополитическом ландшафте.

А кроме того, конфликт России и Запада в принципе создает дополнительную напряженность в международной среде. Китай в такой напряженности совершенно не заинтересован — чем дальше по времени будет отложено прямое столкновение с США, тем больше шансов его выиграть, либо вообще достигнуть своих стратегических целей без прямой конфронтации. Однако Россия является единственной значительной крупной державой, отношения которой с Китаем можно охарактеризовать как откровенно дружеские, чего нельзя сказать о такой крупной и обладающей ядерным оружием стране, как Индия [Lidarev, 2018].

Это, а также уникальный характер отношений между руководителями Китая и России, определили ту помощь, которую Пекин оказал Москве в непростые для нее 2014–2016 гг. Поэтому Китай может считаться стороной, которая от конфликта России и Запада выиграла, однако стоит отметить, что эта сторона была крайне заинтересована в его разрешении. То же самое, кстати, можно сказать о таких значимых странах, как Япония или Южная Корея. Оба государства не хотят продолжения или эскалации конфликта вокруг Украины, поскольку он напрямую угрожает их инвестиционным планам в России. Почему эти страны никак не участвуют в обсуждении вопросов европейской безопасности?

Равным образом и конфликты вокруг Корейского полуострова или в Южно-Китайском море напрямую могут затрагивать российские интересы в области безопасности. Россия — значимый участник международного дипломатического процесса по северокорейской ракетно-ядерной проблеме. В июле 2017 г. она даже выступила с совместными с Китаем предложениями. Почему Китай никак не вовлечен в обсуждение проблемы Донбасса и невыполнения Киевом Минских соглашений 2015 г.?

Однако есть и более глубокие причины, по которым существующие системы региональной безопасности устарели. В какой-то степени предтечей наблюдаемых в Азии и Евразии процессов была, как ни странно, политика соседства, предложенная Евросоюзом странам к югу и востоку от него после расширения 2004–2007 г. Однако между данной инициативой и возникающими в наши дни концепциями и форматами совместного развития в Евразии существует принципиальная разница. В основе «политики соседства» лежала идея о так называемой Европе концентрических кругов [Lavenex, 2011, p. 373]. Проект оказался абсолютно неуспешным как инструмент, который позволит избежать конфронтации и направить усилия на достижение целей развития на пространстве от Марракеша до Владивостока.

Если допустить в Евразии европейскую логику концентрических кругов, то географически она делится на центр и три периферии. Центр — это Центральная Азия, Россия, Китай и Монголия. Турция, Индия, Пакистан, Афганистан, Иран и Корея составляют второе евразийское кольцо. Периферия — это Европа, Юго-Восточная Азия и Ближний Восток. Стабильность в центре, вовлечение второго кольца и отсутствие угроз с периферии могут быть задачей международного сотрудничества в области безопасности.

Новые партнерства в Азии и Евразии формируются по совершенно иным принципам, центральным из которых должен стать демократизм. Причина здесь в том числе — и отсутствие явного доминирующего лидера, который был бы способен и стремился предложить другим модель унифицированного и отцентрованного на него развития. Иногда в попытках проведения такой стратегии упрекают Китай [Brown, 2016], однако такой подход представляется не совсем верным.

Во-первых, у КНР нет исторического опыта построения формализованных однополярных структур межгосударственного взаимодействия. Во-вторых, в Евразии, кроме Китая, присутствуют по меньшей мере три игрока, которые имеют важнейшее значение для перспектив реализации китайских инициатив, но не могут быть младшими партнерами (Россия, Индия и Иран). И, наконец, сам Китай, конечно, не может быть заинтересован в дальнейшей антагонизации по отношению к себе со стороны малых и средних стран Азии и Евразии, так как этим воспользуются внерегиональные игроки, что приведет к параличу китайских инициатив в сфере сотрудничества и развития.

Конечно, очень важен вопрос, насколько удастся погрузить мощь Китая в Большую Евразию. Опыт Германии, растущее могущество которой после объединения погрузил в европейскую интеграцию канцлер Гельмут Коль, неоднозначен. Сначала последствия этого решения были положительными. Однако впоследствии Германия стала главным получателем выгод от европейской интеграции, что сказывается на доверии к ней других стран ЕС и стабильности всей конструкции. Видимо, в долгосрочной перспективе, если германское лидерство в его нынешнем виде продолжится, оно приведет к частичному осыпанию ЕС. Поэтому данный опыт говорит о необходимости крайне внимательно относиться к вопросу о роли объективно наиболее мощного в экономическом отношении игрока при создании макрорегиональных партнерств.

Выдвижение российской инициативы сообщества Большой Евразии нацелено именно на снятие причин для опасений подобного рода. Целью России является создание такой международной среды, в которой энергия Китая будет направлена на решение задач развития — как его самого, так и других государств [Караганов, 2017]. Важнейшей предпосылкой здесь является создание условий для максимально равноправного и демократического участия всех заинтересованных стран, безусловного уважения суверенитета. Кроме того, такое сообщество не должно быть формально ограничено неким географическим пространством. Не должно быть дискуссии о том, что есть Евразия на пространстве от Атлантики до Южно-Китайского моря, а что — нет.

Уже сейчас совершенно очевидно, что Большая Евразия и АТР приобретают черты взаимосвязанных макрорегионов. При этом Большая Евразия является географически более локализуемым пространством. В ней нет непосредственного физического присутствия территорий государств, отделенных от основной суши мировым океаном. Она ограничена на Востоке, Западе, Севере и Юге четырьмя океанами — Северным Ледовитым, Атлантическим, Тихим и Индийским. Большая Евразия внутри себя связана развивающимися транспортно-логистическими коридорами «Восток — Запад» и «Север — Юг», среди которых одним из важнейших является российская Транссибирская железная дорога [Bordachev, 2017a]. По периферии Большая Евразия опутана сетью морских торговых путей, которые, как показывают расчеты, будут в обозримой перспективе наиболее выгодными для транспортировки основных товаров, производимых в Азии.

Но есть одна существенная проблема. В Евразии нет ни одной площадки даже для обсуждения вопросов макрорегиональной безопасности. ОБСЕ включает в себя Западную и Восточную Европу, пространство бывшего СССР, но обходит Иран, Монголию, Афганистан, Пакистан, Индию или Республику Корея, включает, например, Велико-

британию, но не Японию, США и Канаду, не включает Китай. Возникает очевидный вакуум международных институтов в сфере безопасности. Ликвидации этого вакуума может способствовать реформа ОБСЕ.

Изучив позитивный и особенно негативный опыт ОБСЕ, имеет смысл инициировать создание нового международного института безопасности в Большой Евразии с участием максимального количества государств этого макрорегиона. Для России участие в институте региональной безопасности Китая, Ирана, Индии и других стран может стать важным активом внешней политики.

Другим важнейшим вызовом является угроза пойти по пути, по которому пошла после завершения «холодной войны» Европа, то есть пытаться формально выделить некое интеграционное ядро и определить место остальных в зависимости от их географической и институциональной близости к «центру». Важнейшей задачей концептуализации евразийского будущего является определение того, как сотрудничество совместимо с открытостью и универсальностью.

Пока опыт здесь скорее негативный. Ярким примером сейчас может оказаться, к сожалению, судьба Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где открытость стала причиной кризиса сотрудничества – как природы и содержания отношений между участниками. Военно-дипломатический конфликт Индии и Китая, объектом которого является контроль над малыми общими соседями, грозит парализовать ШОС на долгое время. Одним из самых продуктивных форматов в ШОС является сотрудничество по противодействию терроризму, пока нет четкого понимания того, как оно будет развиваться после расширения (например, насколько будет эффективен обмен разведывательными данными между Индией и Пакистаном) [Денисов, Сафранчук, 2016].

Главным фактором, который будет оказывать влияние на дальнейшее развитие ШОС и ее потенциал для России, станет процесс адаптации организации к функционированию в новом составе. С одной стороны, расширение дает ШОС новый дипломатический статус: хотя никто не ожидает быстрого решения индо-пакистанской проблемы, в рамках ШОС Индия и Пакистан будут иметь возможность выстраивать конструктивный совместный диалог, который в долгосрочной перспективе может позитивно отразиться на обстановке в регионе. Также это откроет новые возможности для обсуждения афганской и сирийской проблем [Габуев и др., 2017]. Присутствие Индии в ШОС рассматривается Россией как возможность сдерживания амбиций КНР в регионе и привлечения Индии к более активному сотрудничеству. Кроме того, вступление Индии в ШОС позволяет по-новому оценить взаимодействие КНР, РФ и Индии в рамках БРИКС и других форматов сотрудничества, которые могут быть полезны России в условиях конфронтации с Западом.

Анализ европейского опыта для развития европейской интеграции

Евразийская экономическая интеграция пребывает в весьма тревожном состоянии. При этом запас внутренней устойчивости у Евразийского экономического союза (ЕАЭС) гораздо меньше, чем в ЕС, где за десятилетия сотрудничества накоплена колоссальная бюрократическая и институциональная инерция.

Опыт европейской интеграции, которая переживает сейчас не самые простые времена, может нас интересовать с этой точки зрения. Могучее здание Европейского союза подвергается ударам одного политического шквала за другим. Провал Конституции для Европы в 2005 г., финансово-экономический кризис 2009–2013 гг., кризис беженцев 2015 г., референдум в Великобритании и начало переговоров о ее выходе из

ЕС в 2016–2017 гг. и, наконец, разворачивающийся кризис вокруг Каталонии осенью 2017 г. Эти события по очереди ставили под сомнение основные ценности, на которых была основана европейская интеграция с момента ее возникновения. Внутри Евросоюза сталкивается с проблемой лидерства: Франция за последние годы существенно ослабла, и ее способность исполнять роль позитивного балансира Германии уже не та, что прежде.

В середине XIX в. швейцарский философ Анри-Фредерик Амьель писал: «Каждый человек начинает путь в мире заново. Только институты становятся мудрее. Они хранят наш коллективный опыт» (цит. по [Bordachev, 2017b]). Здесь Европа смогла сделать главное — создать институты, которые работают при любой политической погоде. Другими словами, чтобы мы ни говорили или писали о сложностях Европейского союза, эти сложности являются проблемами гораздо более высокого порядка по сравнению с теми, которые угрожают развитию или даже существованию ЕАЭС.

Крепкие институты, в первую очередь межправительственные, — именно то, чего другим интеграционным объединениям, и ЕАЭС здесь яркий пример, как раз и не хватает в наибольшей степени. Поэтому Союз периодически лихорадит. Так, в 2017 г. в полном объеме высветилась проблема того, что страны Союза готовы фактически создавать рискованные для его функционирования ситуации в связи с двусторонними политическими и дипломатическими проблемами. Но что больше всего настораживает — страны — участницы ЕАЭС системно, и Россия тут не исключение, оказываются неспособны исполнять в полном объеме свои обязательства, принятые в соответствии с Договором о ЕАЭС и актами вторичного законодательства. В ряде случаев, как, например, отношения стран Союза с ЕС, внешние игроки ориентируются на подрыв европейской интеграции как таковой.

Попытки включить Россию в западное международное сообщество закончились в 2007 г. — с представлением известного доклада главы российского государства на конференции по международной безопасности в Мюнхене [Путин, 2007]. Хотя на европейском направлении отдельные попытки гальванизировать отношения еще предпринимались вплоть до 2014 г. (например, «Партнерство для модернизации»).

Китай же интегрирован в эту систему в колоссальной степени [Friedberg, 2005, p. 14]. Китайские компании уже давно чувствуют себя уверенно на рынке США, играют по существующим там правилам. Но одновременно КНР никак не включена в основные институты, определяющие развитие сообщества, лидером которого являются США. Китай не является и не может являться рыночной демократией и вряд ли при каких-либо обстоятельствах будет признан в качестве равноправного участника того, что мы называем «Запад». Но он и сам к этому, собственно, не стремится. Его конфликт с Западом носит экзистенциальный характер просто потому, что возвышение Китая потребует перераспределения потребления в глобальном масштабе. Готовы ли США и Европа себя хоть в чем-то ограничить ради того, чтобы инкорпорировать Китай на правах равного распределителя и получателя глобальных благ?

При этом в 1990-е и начале 2000-х годов западное и международное сообщества стали практически синонимами. США и их ближайшие партнеры вполне уверенно контролировали повестку ведущих международных институтов. Тогда единство сообщества Запада и его институционализированных режимов под сомнение не ставилось, однако затем все изменилось [Mead, 2009]. Новые американские санкционные инициативы ставят (при определенных обстоятельствах) под угрозу энергетическую безопасность Евросоюза. То же касается долгосрочных планов организации снабжения природным газом Японии. Размещение в Южной Корее системы противоракетной обороны США уже привело к крайне серьезным неприятностям для Сеула и южнокорейского общества.

рейских компаний на китайском рынке. То, что делается и говорится сейчас, ставит их перед выбором, который, как известно, они делать совершенно не привыкли.

Наиболее подготовлены к новой динамике отдельные страны Балтии и Восточной Европы (особенно – Балтии), готовые ограничивать себя даже от реальной выгоды, но отвечать требованиям достойного клиента – союзника США. Но они, само собой, не оказывают значительного влияния на эволюцию сообщества стран Запада, его режимов и институтов. Поэтому очень важно, чтобы признаки раскола наметились не на периферии, а в центре этого сообщества. Весьма вероятно, что именно сейчас трансатлантические союзники приблизились к черте, за которой их отношения никогда не станут прежними. Таким образом, актуальным вопросом становится то, как США будут контролировать Европу. Это значит, что и влияние формируемых под лидерством США режимов и сообществ на международную безопасность также будет подвергаться трансформации.

Как это ни тривиально звучит, нужно освоить уроки и избежать повторения ошибок. Уникальность ситуации на евразийском пространстве состоит в том, что формирующаяся здесь международная среда исключает вероятность и необходимость появления бесспорного гегемона. Пространство, включающее в себя по меньшей мере три великие державы – Индию, Китай и Россию, а также большую группу значительных государств среднего масштаба – Иран, Пакистан, Вьетнам, Корею, может быть или регионом жесткой конкуренции, или, наоборот, способствовать возникновению соответствующего уникального международного режима. А стало быть, и мегарегиональное международное сообщество, возникающие и действующие в его рамках режимы могут быть более совершенными с точки зрения демократизма и устойчивости.

Отдельный практический вопрос широкого евразийского сотрудничества, нуждающийся в теоретическом осмыслении, – это судьба его ядра в виде евразийской экономической интеграции.

В 2018 г. Россия председательствует в Высшем Евразийском экономическом совете. Российское правительство, судя по всем признакам, относится к решению задач, связанных с председательством, очень серьезно [ЕЭК, 2018]. Возможно, что российское председательство в ЕАЭС – это достаточно удобный повод для создания рабочей группы представителей правительств Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России, которая проведет инвентаризацию всех неисполненных обязательств и взаимных претензий, и определит пути исправления. Это не является и не может являться задачей наднационального института ЕАЭС Евразийской экономической комиссии. Только правительства, назначенные всенародно избранными главами государств, могут брать на себя ответственность за решение такой серьезной задачи. Общим местом уже стало то, что полномочия Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) – главного исполнительного органа ЕАЭС – крайне ограничены и не позволяют ей развивать интеграцию должным образом (неоднократно упоминалась проблема сотрудничества по таможенным барьерам [Vinokurov, 2016, p. 58]).

Изучение опыта интеграции в Западной Европе показывает, что и здесь все не так однозначно. Страны-участницы, несмотря на десятилетия сотрудничества, принимают все законодательные акты Европейского союза только Советом ЕС, в который входят полномочные министры стран – членов Евросоюза. Без их решения Европейская комиссия – исполнительный орган ЕС – не может принять ни одного акта вторичного законодательства. Поэтому сетования на то, что в ЕАЭС все больше вопросов решается не на уровне Евразийской экономической комиссии, а на уровне Совета – органа межправительственного – показывают недостаточно глубокое знание европейского опыта.

Однако отличие состоит в том, что в Евросоюзе Совет министров является реально действующим на постоянной основе институтом со своим аппаратом, историей и механизмом согласования позиций до того, как решение выносится на голосование. Существует институт постоянных представителей стран-членов в Брюсселе, работают постоянно действующие экспертные комитеты. Это позволяет избежать разрыва между надгосударственными органами и государствами и дает возможность постоянно вовлекать правительства стран-участниц в согласование позиций по каждому вопросу. В этом отношении евразийская интеграция, в отличие от европейской, стоит на одной ноге — у нее есть относительно сильная Евразийская экономическая комиссия и могущественные высшие органы принятия решений: Высший евразийский совет и Межправительственный совет. Но нет абсолютно ничего между ними, что позволило бы правительствам, напрямую подотчетным главам государств и парламентам, работать вместе на более или менее постоянной основе.

Заключение и рекомендации

На данный момент сформировались объективные предпосылки для продвижения и развития инициативы создания Большой Евразии. Для того чтобы понять, на каких рациональных основах она может быть построена, нужно изучить ее прошлое, найти в нем идеи и нарративы, способные не разделять, а объединять народы нашего макро-региона, оценить цели развития евразийских народов, понять, где они пересекаются, где могут вступить в противоречие друг с другом и нуждаются в согласовании, а где дополняют друг друга, а также выделить те цели, которые могут достигаться совместно, при координации усилий на межгосударственном уровне.

Необходимо изучить современные типы систем коллективной безопасности и понять, какой опыт наиболее применим к современной Евразии. Нужно попытаться определить разделяемый всеми народами региона набор базовых ценностей внутреннего устройства и международного общения. Среди них особенно важно опознать те ценности, которые могут играть в будущем роль в духовном и ценностном сплочении евразийских народов — в создании их коллективной идентификации.

Нужно вообще оценить степень применимости наиболее устоявшихся понятий и правил международного общения к евразийской политико-культурной среде, уяснить, как эти понятия и правила преломляются в евразийских условиях. Наиболее эффективные механизмы и способы сотрудничества возникли на западной периферии Евразии — в Европе, где в их основе лежит другая политическая традиция. Традиция сотрудничества — как результата рационального выбора — может и должна быть применима в евразийских условиях, но она должна быть не просто привнесена извне, а переосмыслена в местных условиях.

Необходимо посмотреть на стратегические перспективы и мотивацию каждого из важнейших евразийских игроков. Китай — наиболее крупное евразийское государство. Он практически самодостаточен в силу уникальной демографии и, на первый взгляд, не нуждается в том, чтобы вливаться в более широкие общности. Но даже Китай не может вернуться к политике закрытости, которая однажды уже довела китайский народ до величайших потрясений. Россия, также в силу своей демографии, не может быть самодостаточной и поэтому должна создавать международные сообщества, правила общения внутри которых будут более продвинутыми и участники которых смогут разделять набор общих ценностей. Государства Центральной Азии, как и Монголия, пытаются сформулировать свои цели развития с опорой на необходимость сохранения

себя в качестве самостоятельных и существующих единиц международных отношений. Они пытаются делать ставку на взаимодействие с крупными региональными и внерегиональными игроками, балансировать своих могущественных соседей. Хотя, конечно, степень практической взаимозависимости между странами Центральной Азии, Китаем и Россией велика.

Что касается функционирования институтов в Большой Евразии (в частности, ЕАЭС), то здесь необходимо создать оптимальные условия для эффективного межправительственного взаимодействия. Отцам-основателям интеграции в Западной Европе было в далекие 1950-е годы очевидно, что государство – это высший носитель суверенной власти и от своего суверенитета не может отказаться в силу ответственности перед населением. И именно этот опыт стоило бы, по всей видимости, внимательно изучить и воспринять для того, чтобы сохранить евразийскую интеграцию. Необходимо, таким образом, сосредоточить усилия на сопоставлении подходов и представлений основных региональных игроков и транслировать эти подходы в режимы и институты, уже существующие – ШОС, ОБСЕ, БРИКС и др.

Источники

Бордачев Т.В. (2017а) Нашим друзьям в Азии и за ее пределами. Международный дискуссионный клуб «Валдай». 15 февраля. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nashim-druzyam-v-azii-i-za-eye-predelami/> (дата обращения: 30.10.2017).

Григорьев Д. (2017) На Балтике встретят китайские боевые корабли // Российская газета. 15 июля. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/07/15/reg-szfo/na-baltike-vstretiat-kitajskie-boevye-korabli.html> (дата обращения: 30.01.2018).

Габуев А.Т., Мохан Ч.Р., Тренин Д.В., Хенле П. (2017) Будущее ШОС: как его видят в Москве, Нью-Йорке, Дели и Пекине / Московский Центр Карнеги. Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/71257> (дата обращения: 30.01.2018).

Денисов И.Е., Сафранчук И.А. (2016) Актуальные экспертные дискуссии по тематике ШОС // Вестник МГИМО-Университета. Т. 48. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/aktualnye-ekspertnye-diskussii-po-tematike-shos> (дата обращения: 30.10.2017).

ЕЭК (2018) Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 15.03.2018).

Иносми (2017) «Один пояс, один путь». Основные тезисы речи Си Цзиньпина. 17 мая. Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20170517/239368854.html> (дата обращения: 30.01.2018).

Караганов С.А. (2017) От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 19 марта. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739> (дата обращения: 30.10.2017).

Лексютина Я.В. (2017) Один пояс – один путь» – заявка Китая на мировое лидерство? // РСМД. 22 мая. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas-odin-put-zayavka-kitaya-na-mirovoe-liderstvo/> (дата обращения: 30.10.2017).

Ли Ц. (2017) Да я хуобань гуаньси: чунсу оуя синь чжисю [БЕП: создание нового порядка в Евразии] // Гоцзи вэньти яньцзю [Исследование международных проблем]. Т. 1. Режим доступа: http://www.sohu.com/a/127024511_618424 (дата обращения: 30.01.2018) (на китайском языке).

Лузянин С.Г., Чжао Х. и др. (2017) Российско-китайский диалог: модель 2017. Российский совет по международным делам (РСМД). Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiysko-kitayskiy-dialog-model-2017/> (дата обращения: 18.07.2018).

Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (2018) +17,1 процента – рост инвестиций на Дальнем Востоке в 2017 году. 12 марта. Режим доступа: <https://minvr.ru/press-center/news/13709/> (дата обращения: 15.03.2018).

- Платонова Е. (2015) Китай идет в обход России // Газета.ру. 29 декабря. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2015/12/27/7995287.shtml> (дата обращения: 30.01.2018).
- Путин В.В. (2007) Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Режим доступа: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 30.01.2018).
- Путин В.В. (2016) Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 18.01.2018).
- ТАСС (2015) ЕАЭС и Вьетнам подписали Соглашение о зоне свободной торговли. 29 Мая. Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/2005555> (дата обращения: 30.10.2017).
- Тынникова Н. (2017) Анализ экономического сотрудничества ЕАЭС с Вьетнамом // Eurasian Studies. Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/5723> (дата обращения: 05.12.2017).
- Цветов А.П. (2017) Вместо поворота: АСЕАН и евразийский проект России. Московский центр Карнеги. 17 октября. Режим доступа: http://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368#_edn9 (дата обращения: 30.10.2017).
- Чжао Х. (2017) Чжунго юй да я хуобань гуаньси [Китай и БЕП] // Гоцзи вэньги яньцзю [Исследование международных проблем]. Т. 6. Режим доступа: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2017-11/24/content_40079881.htm (дата обращения: 18.07.2018) (на китайском языке).
- Шпангер Х.-Й. (2016) Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шелковом пути // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Povorot-Rossii-na-Vostok-povorot-Kitaya-na-Zapad-vzaimodeistvie-i-konflikty-na-Shlkovom-puti-18208> (дата обращения: 30.10.2017).
- Bordachev T. (2017b) What Went Wrong with Eurasian Integration and How to Fix It // Eurasian studies. 14 November. Режим доступа: <http://greater-europe.org/archives/3702> (дата обращения: 18.01.2018).
- Brown K. (2016) Does China Really Want to Lead the World Order? // The Diplomat. 22 November. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2016/11/does-china-really-want-to-lead-the-world-order/> (дата обращения: 18.01.2018).
- Diesen G (2017) The Global Resurgence of Economic Nationalism. Valdai Discussion Club. 21 December. Режим доступа: http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/the-global-resurgence-of-economic-nationalism/?sphrase_id (дата обращения: 18.01.2018).
- Entin M., Entina E. (2016) The New Role of Russia in the Greater Eurasia // Strategic Analysis. Vol. 40. No. 6. P. 590–603.
- Euromonitor International Official Website (2018) Режим доступа: <http://www.euromonitor.com/> (дата обращения: 18.01.2018).
- Friedberg A. (2005) The Future of U.S.-China Relations: Is Conflict Inevitable? // International Security. Vol. 30. No. 2. P. 7–45.
- Higgins A. (2017) China and Russia Hold First Joint Naval Drill in the Baltic Sea // The New York Times. 25 July. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/07/25/world/europe/china-russia-baltic-navy-exercises.html>; (дата обращения: 18.01.2018).
- Hix S. (2007) The EU as a New Political System. Comparative Politics / D. Caramani (ed.). Oxford: Oxford University Press. P. 574.
- Krasner D. (1982) Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening // International Organization. Vol. 36. No. 2. P. 185–205.
- Куо М.А (2018) The Origin of ‘Indo-Pacific’ as Geopolitical Construct. Insights from Gurpreet Khurana // The Diplomat. 25 January. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2018/01/the-origin-of-indo-pacific-as-geopolitical-construct/> (дата обращения: 15.03.2018).
- Kuznetsova A. (2017) Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China. Core Europe and Greater Eurasia: A Roadmap for the Future. Russian International Affairs Council. 1 September. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/greater-eurasia-perceptions-from-russia-the-european-union-and-china/> (дата обращения: 18.01.2018).

- Lavenex S. (2011) Concentric Circles of Flexible 'European' integration: A typology of EU external governance relations // *Comparative European Politics*. Vol. 9. No. 4–5.
- Lidarev I. (2018) A Tough Year for China-India Relations // *The Diplomat*. 4 January. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2018/01/2017-a-tough-year-for-china-india-relations/> (дата обращения: 18.01.2018).
- Lukin A. (2016) Russia's Pivot to Asia: Myth or Reality? // *Strategic Analysis*. Vol. 40. No. 6. P. 573–589.
- Maçães B. (2018) *The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order*. United Kingdom: Penguin.
- Mead W.R. (2009) *Special Providence. American Foreign Policy and How it Changed the World*. L.: Routledge.
- President of Russia (2015) Joint Declaration of the Russian Federation and People's Republic of China. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 18.01.2018).
- Shambaugh D. (2013) *China Goes Global. Partial Power*. Oxford: Oxford University Press.
- Slavic B. (2016) Behind China and Russia's 'Special Relationship' // *The Diplomat*. 7 December. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2016/12/behind-china-and-russias-special-relationship/> (дата обращения: 18.01.2018).
- Starr F. (2014) Out of Focus: The U.S. Response to Putinism. Putin Grand Strategy and its Discontents / F. Starr, S. Cornell. Режим доступа: <https://www.silkroadstudies.org/resources/1409GrandStrategy.pdf> (дата обращения: 18.01.2018).
- Tomz M., Weeks J., Yarhi-Milo K. (2017) How and Why Does Public Opinion Affect Foreign Policy in Democracies? Режим доступа: <https://web.stanford.edu/~tomz/working/TWY-PublicOpinion-2017-02.pdf> (дата обращения: 18.01.2018).
- Vinokurov E. (2016) Eurasian Economic Union: Current State and Preliminary Results // *Russian Journal of Economics*. Vol. 3. No. 3. P. 54–70. Режим доступа: https://ac.els-cdn.com/S2405473917300041/1-s2.0-S2405473917300041-main.pdf?_tid=3a0b55a7-39a4-43dd-a0a6-491199b8e657&acdnat=1522033305_0722202254eb8682b996e7418d15fbc (дата обращения: 18.01.2018).
- Wu J. (2013). Xi Proposes a "New Silk Road" with Central Asia / *China Daily*. 8 September. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013xivisitcenterasia/2013-09/08/content_16952228.htm (дата обращения: 18.01.2018).
- Zhang L. (2013) China's Traditional Values and National Identity. Moscow Carnegie Center. 21 November. Режим доступа: <http://carnegietsinghua.org/2013/11/21/china-s-traditional-cultural-values-and-national-identity-pub-53613> (дата обращения: 18.01.2018).

The Concept of Greater Eurasia in the Turn of Russia to the East¹

T. Bordachev, A. Pyatachkova

Timofey Bordachev – Director, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russian Federation; E-mail: tbordachev@hse.ru

Anastasia Pyatachkova – Junior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics, post-graduate student NRU HSE; 20 Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russian Federation; E-mail: apyatachkova@hse.ru

Abstract

The last two or three years have become a time of an unprecedented rise of interest to Eurasia. The Russian initiative to create Greater Eurasia, which is seen as the main conceptual framework for promoting various cooperation projects in the region, is often criticized for the lack of concrete content. Given the growing number of regional initiatives including from China and India Russia needs not only to formulate an attractive idea, but also to show its relevance and efficiency.

Despite the absence of objective historical conditions for its implementation the concept of Greater Eurasia can become a rational practical embodiment of a wide range of development and security priorities for many countries in the region. The problem of the study is the absence of objective prerequisites for the creation of Greater Eurasia while there is a wide range of subjective reasons.

The article examines the preconditions for the emergence of Greater Eurasia as well as various ways of this concept's perception and political interpretation. For historical reasons projects for the consolidation of Eurasia have largely remained on paper, but the current regional and global trends create relevant conditions for their implementation.

The study analyzes the content of Eurasian integration and possible formats of cooperation within it. Particular emphasis is made on security issues, economic interaction, and the development of institutions in the Eurasian space. The authors stress the need for reform of the OSCE in order to bring its activities closer to the current geopolitical conditions. The prospects for the development of the SCO and its role in Greater Eurasia are also under consideration.

Special attention is paid to relations with potential participants of Greater Eurasia project (including European countries) and non-regional actors. Eurasian integration is also analyzed from the European integration perspective. According to authors' estimations, in EAUE there is a need for greater attention to the issue of state sovereignty (similar to the European experience of country representatives and expert groups) and strengthening the institutional capacity of organization.

Key words: Greater Eurasia; Turn to East; Eurasian Economic Union; European integration; Russian foreign policy; SCO; OSCE; international community, Russian-Chinese relations

For citation: Bordachev T., Pyatachkova A. (2018) The Concept of Greater Eurasia in the Turn of Russia to the East. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 33–51 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02.

References

Bordachev T. (2017a) Nashim druz'jam v Azii i za ee predelami. *Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub "Valdaj"* [Our Friends in Asia and Beyond Valdai Discussion Club]. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nashim-druzyam-v-azii-i-za-eye-predelami/> (accessed 30 October 2017) (in Russian).

¹ The editorial board received the article in April 2018.

The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project No. 17-18-01577 "Creation of Greater Eurasia and the Development of Strategy for Bilateral Cooperation Between Russia and Regional Countries".

- Bordachev T. (2017b) What Went Wrong with Eurasian Integration and How to Fix It. *Eurasian Studies*, 14 November. Available at: <http://greater-europe.org/archives/3702> (accessed 18 January 2018).
- Brown K. (2016) Does China Really Want to Lead the World Order? *The Diplomat*, 22 November. Available at: <https://thediplomat.com/2016/11/does-china-really-want-to-lead-the-world-order/> (accessed 18 January 2018).
- Denisov I.E., Safranchuk I.A. (2016). Aktual'nye jekspertnye diskussii po tematike ShOS [Topical Expert Discussions on SCO]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, vol. 48, no 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/aktualnye-ekspertnye-diskussii-po-tematike-shos> (accessed 30 October 2017) (in Russian).
- Diesen G. (2017) The Global Resurgence of Economic Nationalism. *Valdai Discussion Club Paper*, no 80, 21 December. Available at: http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/the-global-resurgence-of-economic-nationalism/?sphrase_id (accessed 18 January 2018).
- Entin M., Entina E. (2016) The New Role of Russia in the Greater Eurasia. *Strategic Analysis*, vol. 40, no 6, pp. 590–603.
- Eurasian Economic Commission (EEC) (2018) Available at: <http://www.eurasiancommission.org/> (accessed 15 March 2018) (in Russian).
- Euromonitor International (c. a.) Available at: <http://www.euromonitor.com/> (accessed 18 January 2018).
- Friedberg A. (2005) The Future of U.S.-China Relations: Is Conflict Inevitable? *International Security*, vol. 30, no 2, pp. 7–45.
- Gabuev A., Mohan C.R., Trenin D., Haenle P. (2017) *Budushhee ShOS: kak ego vidjat v Moskve, N'ju-Jorke, Deli i Pekine* [The Future of SCO: How It Is Seen from Moscow, New York, Delhi and Beijing]. Carnegie Moscow Center. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/71257> (accessed 30 January 2018) (in Russian).
- Grigoryev D. (2017) The Baltic Warships Will Be Met by Chinese Warships. Available at: <https://rg.ru/2017/07/15/reg-szfo/na-baltike-vstretiat-kitajskie-boevye-korabli.html> (accessed 30 January 2018) (in Russian).
- Higgins A. (2017) China and Russia Hold First Joint Naval Drill in the Baltic Sea. *The New York Times*, 25 July. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/07/25/world/europe/china-russia-baltic-navy-exercises.html> (accessed 18 January 2018).
- Hix S. (2007) The EU as a New Political System. *Comparative Politics* / D. Caramani (ed.). Oxford: Oxford University Press, p. 574.
- Inosmi (2017). “Odin poyas, odin put’”. Osnovnye tezisy rechi Si Czin’pina [“One Belt – One Road”. Main points of Xi Jinping’s speech]. Available at: <http://inosmi.ru/politic/20170517/239368854.html> (accessed 30 January 2018) (in Russian).
- Karaganov S.A. (2017) Ot povorota na Vostok k Bol’shoj Evrazii [From Pivot to East to Greater Eurasia]. *Russia in Global Affairs*, 19 March. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739> (accessed 30 October 2017) (in Russian).
- Krasner D. (1982) Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. *International Organization*, vol. 36, no 2, pp. 185–205.
- Kuo M.A. (2018) The Origin of “Indo-Pacific” as Geopolitical Construct: Insights from Gurpreet Khurana. *The Diplomat*, 25 January. Available at: <https://thediplomat.com/2018/01/the-origin-of-indo-pacific-as-geopolitical-construct/> (accessed 15 March 2018).
- Kuznetsova A. (2017) Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China. Core Europe and Greater Eurasia: A Roadmap for the Future. *Russian International Affairs Council*, 1 September. Available at: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/greater-eurasia-perceptions-from-russia-the-european-union-and-china/> (accessed 18 January 2018).
- Lavenex S. (2011) Concentric Circles of Flexible “European” Integration: A Typology of EU External Governance Relations. *Comparative European Politics*, vol. 9, no 4–5.
- Leksyutina Ja.V. (2017) “Odin pojas – odin put’” – zayavka Kitaja na mirovoe liderstvo? [One Belt, One Road – China’s Bid for Leadership?]. *Russian Council on International Affairs*, 22 May. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas-odin-put-zayavka-kitaya-na-mirovoe-lid-erstvo/> (accessed 30 October 2017) (in Russian).

- Li Z. (2017) Da ya huoban guanxi: chongsu ouya zhixu [Greater Eurasian Partnership: Reshaping the New Order in Eurasia?]. *Research on International Issues*, no 1. Available at: http://www.sohu.com/a/127024511_618424 (accessed 30 January 2018) (in Chinese).
- Lidarev I. (2018) A Tough Year for China-India Relations. *The Diplomat*, 4 January. Available at: <https://thediplomat.com/2018/01/2017-a-tough-year-for-china-india-relations/> (accessed 18 January 2018).
- Lukin A. (2016) Russia's Pivot to Asia: Myth or Reality? *Strategic Analysis*, vol. 40, no 6, pp. 573–589.
- Mações B. (2018) The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order. United Kingdom: Penguin.
- Mead W.R. (2009) Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World. London: Routledge.
- Ministerstvo Rossijskoj Federacii po razvitiu Dal'nego Vostoka (oficial'nyj sajt) [Ministry for the Development of the Russian Far East] (2018) Available at: <https://minvr.ru/press-center/news/13709/> (accessed 15 March 2018) (in Russian).
- Platonova E. (2015) China Goes Around Russia. *Gazeta.Ru*, 29 December. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2015/12/27/7995287.shtml> (accessed 30 January 2018) (in Russian).
- President of Russia (2007) *Vystuplenie i diskussija na Mjunhenskoj konferencii po voprosam politiki bezopasnosti* [The Speech and Discussion During Munich Conference on Security]. Available at: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed 30 January 2018) (in Russian).
- President of Russia (2015) Joint Declaration of the Russian Federation and People's Republic of China. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 30 January 2018) (in Russian).
- Putin V.V. (2016) *Vystuplenie na plenarnom zasedanii XX Peterburgskogo mezhdunarodnogo jekonomicheskogo foruma* [The Speech on Plenary Meeting of XXth SPIEF]. Available at: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed 30 January 2018) (in Russian).
- Luzyanin S., Zhao H. (2017) Russian-Chinese Dialogue: The 2017 Model. *Russian Council on Foreign Affairs*, Institute of Far Eastern Studies and Fudan University Report. Available at: <http://russiancouncil.ru/en/activity/publications/russian-chinese-dialogue-the-2017-model/> (accessed 18.01.2018).
- Savic B. (2016) Behind China and Russia's "Special Relationshi". *The Diplomat*, 7 December. Available at: <https://thediplomat.com/2016/12/behind-china-and-russias-special-relationship/> (accessed 18 January 2018).
- Shambaugh D. (2013) China Goes Global: The Partial Power. Oxford: Oxford University Press.
- Spanger H.J. (2016) Povорот Rossii na Vostok, povорот Kitaja na Zapad: vzaimodejstvie i konflikty na Shjolkovom puti [Russia's Turn to East, China's Turn to West: Cooperation and Conflicts on the Silk Road]. *Russia in Global Affairs*. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Povorot-Rossii-na-Vostok-povorot-Kitajana-Zapad-vzaimodeistvie-i-konflikty-na-Shlkovom-puti-18208> (accessed 30 October 2017) (in Russian).
- Starr F. (2014) Out of Focus: The U.S. Response to Putinism. Putin Grand Strategy and its Discontents / F. Starr, S. Cornell (eds). Режим доступа: <https://www.silkroadstudies.org/resources/1409GrandStrategy.pdf> (accessed 30 October 2017).
- TASS (2015) The EEA and Vietnam Signed the Agreement on the Free Trade Zone. Available at: <http://tass.ru/ekonomika/2005555> (accessed 30 October 2017) (in Russian).
- Tomz M., Weeks J., Yarhi-Milo K. (2017) How and Why Does Public Opinion Affect Foreign Policy in Democracies? Available at: <https://web.stanford.edu/~tomz/working/TWY-PublicOpinion-2017-02.pdf> (accessed 18 January 2018).
- Tsvetov A.P. (2017) Vmesto povorota: ASEAN i evrazijskij proekt Rossii [Instead of the Pivot: ASEAN and Russia's Eurasian Project]. *The Moscow Carnegie Center*, 17 October. Available at: http://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368#_edn9 (accessed 30 October 2017) (in Russian).
- Tynnikova N. (2017) Analiz ekonomicheskogo sotrudnichestva EAJeS s V'etnamom [The Analysis of Economic Cooperation Between EAEU and Vietnam]. *Eurasian Studies*. Available at: <http://eurasian-studies.org/archives/5723> (accessed 5 December 2017) (in Russian).
- Vinokurov E. (2016) Eurasian Economic Union: Current State and Preliminary Results. *Russian Journal of Economics*, vol. 3, no 3, pp. 54–70. Available at: https://ac.els-cdn.com/S2405473917300041/1-s2.0-S2405473917300041-main.pdf?_tid=3a0b55a7-39a4-43dd-a0a6-491199b8e657&acdnat=1522033305_0722202254eb8682b996e7418d15fbc (accessed 28 January 2018).

Wu J. (2013) Xi Proposes a “New Silk Road” with Central Asia. *China Daily*, 8 September. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013xivisitcenterasia/2013-09/08/content_16952228.htm (accessed 18 January 2018).

Zhang L. (2013) China’s Traditional Values and National Identity. Carnegie-Tsinghua Carnegie Center, 21 November. Available at: <http://carnegietsinghua.org/2013/11/21/china-s-traditional-cultural-values-and-national-identity-pub-53613> (accessed 18 January 2018).

Zhao H. (2017) Zhongguo yu daya huoban guanxi [China and Greater Eurasian Partnership]. *International Studies*, no 6. Available at: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2017-11/24/content_40079881.htm (accessed 18 July 2018) (in Chinese).